

Е.Л. Капустина

АНДИЙСКИЕ СЕЛА: ОПЫТ ПОГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ

Андийские селения расположены на окраине дагестанской ойкумены. Между тем эти селения находятся не столько в отдаленном от центра тупике, сколько именно в пограничной зоне. Андийскими считаются всего десять селений — Кванхидатли, Анди, Гагатли, Гунха, Ашали, Зило, Муни, Рушуха, Чанко и Риквани. Все они находятся в Ботлихском районе Дагестана и расположены достаточно близко к границе этого района с Чеченской Республикой. Материал, представленный в статье, касается в основном четырех из десяти селений, а именно Гагатли, Анди, Риквани, Гунха, где проводились полевые исследования в 2011, 2013 и 2014 гг.¹

Гагатли — крупное селение, насчитывающее в настоящее время около 400 хозяйств (официально хозяйств здесь значительно больше, но многие семьи, прописанные в селении, в реальности уже не живут в горах). Основное занятие проживающих здесь людей — животноводство. Гагатли одно из немногих селений в районе, жители которого получают от этого основной доход, здесь содержат порядка 30 000 овец и несколько тысяч голов крупного рогатого скота. Сельчане продают живой скот, а также туши и сушеное мясо. Гагатлинцы проживают не только в горах, но и в различных населенных пунктах на равнине. В итоге около 2000 хозяйств — в Ново-Гагатли (Хасавюртовский район), 400 — в Андийском поселке на окраине г. Хасавюрт, 200 дворов — на кутане «Искра» в Бабаюртовском районе, еще где-то около 100 — в Махачкале, в самом Хасавюрте — тоже около сотни.

Анди — село гораздо большего размера, неофициальная столица андийских селений. Здесь расположены многие государственные учреждения, дающие работу местным жителям: больница,

¹ Полевая работа в Чечне не проводилась.

школы, полиция. Многие жители выезжают на заработки — занимаются строительством.

Риквани — селение меньшего масштаба, чем первые два, основное занятие населения — овцеводство, а также выращивание картофеля.

Гунха, крошечное селение, расположенное между Анди и Гагатли, насчитывает около 25 дворов. Большая часть жителей выехала на равнину и трудится вне селения.

Мне интересен опыт жизни на границе этих дагестанских селений, варианты коммуникаций их жителей с ближайшими соседями, а также восприятие сельчанами своего пограничного положения.

Границы, о которых пойдет речь, — это не только границы территорий, но также этнические, культурные и религиозные. Основные вопросы, которые хотелось бы рассмотреть в этой статье, — как именно пограничное положение пронизывает различные сферы жизни рассматриваемых локальных сообществ.

Разговор о границах в данном контексте приведет к необходимости обсуждения следующего комплекса вопросов: не только каковы практики общения в условиях пограничья, но и кто является основным актором трансграничного взаимодействия.

О пограничности рассматриваемых селений говорит прежде всего их географическое положение: они расположены на склонах Андийского хребта. Этот горный массив разделяет территорию Республики Дагестан с расположенной западнее Чеченской Республикой, делая андийские села пограничными с точки зрения административно-территориального деления. По другую сторону хребта находятся чеченские селения, больше всего будут упоминаться в данной статье Беной-Ведено, Дарго, Харачой.

Граница между двумя республиками Российской Федерации — Чечней и Дагестаном — внутренняя, но она далеко не так формальна, как в случае между многими другими субъектами РФ. В этом месте административная граница проходила с момента вхождения Дагестана в состав России, когда были образованы Терская и Дагестанская области.

Помимо этого через данные села протекает граница лингвистическая и этническая. В рассматриваемых селах Дагестана говорят на андийском языке, относящемся к аваро-андо-цезской группе языков. В этническом отношении официально жители этих селений считаются аварцами (самая крупная этническая группа Дагестана), но порой выделяют отдельную этническую группу — андийцев. По переписи 2002 г. андийцами записалось 21 808 чел. [Перечень имен]. Многие мои информанты в интервью называли себя и андийцами, и аварцами (исключение — активисты этнических организаций, отстаивающие андийскую идентичность и требующие признать андийцев отдельным народом). В целом к началу 2000-х годов проекты по этническому самоопределению малых народов в Дагестане потеряли основную часть своих сторонников, для большинства андийская идентичность весьма актуальна, но зачастую маркируется не как этническая, а скорее как локальная. Тем не менее ощущение единства андийских сел и отличие их от других сел аварских районов Дагестана у информантов всегда есть.

Андийцы помимо родного андийского языка преимущественно знают аварский, русский. Старшее поколение говорит на чеченском, люди среднего возраста иногда понимают чеченский, молодежь практически его не знает.

По другую сторону границы, в Чечне, в горах проживает только одна этническая группа — чеченцы, говорящие на чеченском языке.

Граница и земля — история и современность

Пограничные взаимоотношения повсеместно нередко осложняются взаимными территориальными претензиями. Не стали исключением и такие соседи, как андийцы и чеченцы.

Андийские селения появились в орбите интересов России уже в XVIII в. В частности, в этот период андийскими обществами даже было подписано несколько договоров о признании власти Российской империи и верности российскому престолу, но это не спасло горцев от нашествия войск Надиршаха в 1742 г. Тем не

менее в это время активно развивается торговля между андийскими селениями и подконтрольными России территориями на равнине, в том числе в Кизляре. В первую очередь, спросом пользовались знаменитые андийские бурки, ценившиеся по всему Кавказу и производившиеся прежде всего на рынок. Во времена Кавказской войны андийские селения часто оказывали поддержку имамам, начиная с Газимагомеда активно участвовали в операциях имама Шамиля, но после серии кровопролитных боев в 1837 г. вновь подписали договор о подданстве России [Движение горцев 1959: 162]. В последующие годы андийцы будут еще неоднократно то браться за оружие на стороне Шамиля, то вновь проявлять лояльность империи, окончательно «замирившись» лишь к 1859 г. [Мурадбегов 1996: 32–39; Движение горцев 1959: 673]. Примечательно, что сопротивление андийских обществ российское правительство пыталось сломить, в том числе и методами экономического давления. Например, во время периодов нахождения андийцев на стороне имамов была запрещена продажа буроков и в подконтрольных империи населенных пунктах Северного Кавказа, и в Грузии.

После завоевания Кавказа андийские села сначала вошли в Ичкеринский округ Терской области, а потом были переданы в Андийский округ Дагестанской области. На протяжении всего имперского периода решалась проблема разграничения территории между андийскими селами и соседними чеченскими, которые уже входили в Терскую область. Архивные материалы красноречиво свидетельствуют о том, что конфликты из-за земли между андийцами и чеченцами были весьма распространены.

Споры между пограничными селениями Терской (Аргунский, затем Ичкеринский и Грозненский округ) и Дагестанской областей (Андийский округ) разбирались канцеляриями обоих округов начиная с 1863 г. Тогда главнокомандующим кавказской армией великим князем Михаилом Николаевичем было приказано организовать работу комиссии по разграничению этой территории под руководством капитана А. Руновского [ЦГАРД. Ф. 147. Оп. 3. Д. 83. Л. 3 об.]. Комиссия, начавшая работу в 1864 г., собирала информацию, в том числе и от местных жителей. Запрос

был послан даже Шамилю, находившемуся в плену в Калуге. Его, очевидно, неоднократно привлекали в качестве свидетеля и эксперта при решении земельных вопросов [см. Тахнаева 2012].

В результате комиссия постановила, что земли принадлежали ичкеринцам, затем аварским ханам, у которых чеченцы арендовали землю, андийцы же на нее никогда не имели прав, но появлялись в этих горах для сбора ясака в пользу ханов. Андийские представители настаивали на том, что эти земли принадлежали аулу Анди, те, кто пригонял сюда скот, платили сельчанам ясак, в связи с чем предоставили комиссии письменные договоренности с обществами об уплате им ясака. Однако комиссия с недоверием отнеслась к ним, считая, что они (письма от отдельных семей или обществ) написаны с целью защиты скота от андийцев, на него нападавших с целью грабежа.

В результате, признав спорные территории принадлежавшими ханам, комиссия перевела их в собственность государства, приобщив к Ичкерийскому округу, а спорщикам впредь до окончательного определения границ (после нанесения местности на планы), поскольку данные пастбища признавались важными для жизнедеятельности пограничных селений, предоставила возможность их использовать за определенную плату. Чеченцы при этом были в привилегированном положении, андийские общества пользовались пастбищами по остаточному принципу и по большей части во время сезонных перегонов скота.

Дозволить андийцам ежегодно весной и осенью бесплатный прогон скота через спорные горы на Чеченскую плоскость и обратно, а также ночлег на горах не более двух ночей в каждый путь, с тем чтобы за пребывание в горах андийских стад свыше двух ночей был с виновных взыскан особый штраф. Разрешить андийцам пасти свои стада на вышеозначенных горах за определенную плату во всякое время по указанию Начальника Ичкеринского округа, а равно дозволить им пользоваться бесплатно необходимым для них лесным материалом из лесов, находящихся на этих горах. Обществам, а равно андийцам, которым будут отведены пастбищные места, дозволить

ставить загоны для скота, с тем однако, чтобы постановка их ни в коем случае не давала права на владение землею и чтобы места для загонов были указываемы Начальником Ичкеринского округа [ЦГАРД. Ф. 147. Оп. 3. Д. 83. Л. 5 об.].

Интересно, что Шамиль в своем письме не дал определенного ответа на вопрос о принадлежности земель и предложил решить его по шариату или по адату, но «оба эти способа комиссией в самом начале ее действия были признаны неудобными и невыгодными для целей Правительства» [Там же. Л. 5].

Однако на протяжении многих лет эту задачу так и не решили, линия границы постоянно перемерялась, что порождало тяжкие земельные конфликты между соседями. При этом многие границы комиссия определяла временными, что также провоцировало недоразумения между соседями.

Рассмотрим некоторые из них, напрямую касающиеся упоминаемых в статье селений. В территориальных спорах активно принимали участие Анди, Гагатль, Гунха. Предметом спора стали горные пастбища. Установленная в 1868 г. сословно-поземельной комиссией межевая граница между Дагестанской и Терской областями нарушалась пастухами со стороны дагестанских сел, о чем начальники Терской области рапортовали во Владикавказ в Кавказское военно-народное управление.

Зафиксирован спор вокруг озера Эзель-ам (Казеной Ям / Алхар) между обществами Анди и Чеберлой, а также границы по реке Энхи. Андийцы ссылались на разрешение пользоваться этой территорией при проведении межи в 1868 г., чеченскую сторону поддерживали рескрипты владикавказского начальства, упиравшего на формальное отнесение этой земли к Аргунскому округу. Речь шла о казенных пастбищах, поступивших в государственную казну (бывшие владения аварских ханов, которые андийцы брали в аренду). Однако из донесений землемеров еще в 1883 г. отмечается, что разные комиссии выносили разные решения по спорным территориям, то отмечая право на них со стороны чеченских селений (в том числе ссылаясь на передачу им этих земель Шамилем), то на основании свидетельств выборных от местных

обществ признавали право на владение горными участками Андийского хребта и за несколькими андийскими и несколькими чеченскими селами, среди которых Анди, Гунха, Гагатль, Беной, Чермой, Центарой, Дышни-Ведено, Белгатой, Харачой) [ЦГАРД. Ф. 147. Оп. 3. Д. 81. Л. 49]. При этом межевания между ними четкого не было, были лишь договоренности о пользовании определенными участками (их показали Комиссии выборные от каждого села). Чеченцы пользовались ими в три летние месяца, андийцы — круглый год [Там же: Л. 53].

Я слышала «народную» версию этого земельного разбирательства, которую пересказывают сейчас друг другу гагатлинцы.

Наши горы тоже Шамиль передал чеченцам. Ихние Шамиля лошади — ихние кузнецы были дарговцы, из Дарго. Они сказали, вот вам земля, чтобы обеспечили мои лошади подковами. Потом так дал, потом вот так дал, потом третий раз. Потом пришел грузин-землеустроитель. Ему, оказывается, хорошенькую женщину тоже отдали, лошадь тоже отдали, чтобы он поставил такую границу, которую они (жители Дарго) сказали (Х., м., 45 лет. Гагатли, 2013).

Следует отметить, что ситуация затяжных земельных споров между андийцами и чеченцами в пространстве послевоенного Кавказа не уникальна. Об этом убедительно написал В. Бобровников: «Поземельные споры зарегистрированы во всех районах области. Наряду с кровной мезтью они стали настоящим бедствием для пореформенного Дагестана, и ослабить его не смогли ни проведение судебной реформы 1860-1868 гг., ни работа сословно-поземельных комиссий. <...> Споры и столкновения, касающиеся прав сельских обществ и частных лиц на владение или пользование различной недвижимой собственностью, составляли примерно 37 % исков, поступивших в окружные и Дагестанский народный суды за 1860–1917 гг.» [Бобровников 2002: 196].

Главную причину постоянных поземельных конфликтов в пореформенном Дагестане В. Бобровников видит в запутанности

и сложности системы местного общинно-частного землевладения. «Фактически формы собственности на землю и соответствующие нормы обычного права так и не были реформированы в дореволюционное время» [Там же].

Взяв на себя ответственность за разграничение территорий, объявив спорную землю государственной, но при этом полностью отвергнув варианты самостоятельного межселенного согласования (при помощи норм адата или шариата), имперская администрация не смогла решить локальный конфликт и фактически погребла его решение под ворохом переписки различных ведомств.

Очевидно, на специфике конфликтов между соседями сказывалась и особенность ведения хозяйства тех или иных селений. Андийские хозяйства уже в середине XIX в. преимущественно делали ставку на скотоводство. Большое поголовье скота требовало больших пастбищных угодий, которых всегда не хватало. Надо заметить, что андийские селения в целом были крупнее, чем находящиеся рядом горные села Чечни. И в результате пастбищный голод с дагестанской стороны был выражен сильнее. Практиковалась аренда андийцами чеченских земель; очевидно, не обходилось и без самовольного использования.

Жалобы на нарушение границ, использование чужих пастбищ и потравы чужих сенокосов зафиксированы как со стороны чеченцев, так и со стороны андийцев. Однако, возможно из-за специфики хозяйственной системы, андийцев чаще обвиняли в захвате или ненадлежащем использовании пастбищной земли. Чеченцев чаще винили в воровстве скота (что можно расценивать и как наказание хозяев скота, неправомерно находящегося на чужой территории) и грабеже.

Переход территории в ведение Советской власти также кардинальным образом не решил имеющиеся пограничные проблемы между соседями, по-прежнему относившимися к разным административным единицам — ЧАО и ДАССР. Усугубилась обстановка во времена Гражданской войны, когда к извечным спорам за землю добавились грабительские рейды с территории Чечни в Андийский округ. Были жалобы и на нападения дагестанских милиционеров на чеченских овцеводов [ЦГАРД. Ф. р-52. Оп. 1.

Д. 8а. Л. 7]. Власти вновь обратились к идее окончательного размежевания земель конфликтующих сторон.

Из документа от 7 февраля 1927 г.:

ВЦИК в 1926 году, констатируя затяжной характер пограничных земельных споров между ДАССР и ЧАО и то, что ни ДАССР, ни ЧАО не приняли необходимых мер к точному выяснению предметов споров и улаживанию их мирным путем, постановил: проложить в натуре границы фактического пользования, по которым не обнаружено споров или достигнуто соглашение, провести в жизнь постановление Совещания заинтересованных сторон от 31 июля 1926 года в части разрешения спорных вопросов на месте, через создаваемые комиссии из представителей заинтересованных сторон, подробно обследовать пограничные спорные районы и провести в них к 15 мая 1927 года все подготовительные работы для внесения выявленных спорных вопросов на разрешение Комиссии ВЦИК, впредь до окончательного разрешения пограничных споров и проложения границ в натуре обязать ЦИК ДАССР и Чеченский облисполком принять все необходимые меры к недопущению каких-либо эксцессов, могущих обострить взаимоотношения населения спорных районов, при этом было рекомендовано послать в район больше землемеров и землеустроителей, повысив тем заработную плату за работу в отдаленных областях [ЦГАРД. Ф. р-563. Оп. 1. Д. 29. Л. 16 — 16 об.].

На конец марта были назначены работы по размежеванию, но в нужное время не прибыл политический представитель от Чечни, в связи с чем работа была приостановлена, затем ждали политического представителя от Дагестана. По подобной причине — отсутствию представителя области — часто затягивались работы по разграничению земель в имперский период, причем затягивались порой на десятилетия. При этом донесения с мест предупреждают ЦИК о том, что

отношения между некоторыми (обществами) в последнее время все больше обостряются и столкновения удалось предотвратить только с большим трудом [ЦГАРД. Ф. р-563. Оп. 1. Д. 29. Л. 33].

Комиссия ВЦИК определила

наличие сохранившейся и определяемой в натуре межевыми знаками почти по всем направлениям смежества ДАССР и ЧАО старой административной границы, установленной в различные годы дореволюционного периода, начиная с 1867 и кончая последними годами. Отсутствие или, в крайнем случае, разрешение по добровольному соглашению обеих сторон всех возникавших до революции земельных споров и возникновение 18 обследованных и разрешаемых ныне споров исключительно благодаря самозахватническим действиям со стороны пограничного населения ЧАО в период гражданской войны и, особенно, в последние годы, вплоть до 1927 года включительно, с применением вооруженного насилия и т.п. явлений, прекратившихся лишь в 1925 г. [ЦГАРД Ф. р-563. Оп. 1. Д. 29. Л. 37].

В докладе отмечались такие особенности местности, как высокогорный характер территории Андийского округа, участков пашни и сенокосов, неудобство и невыгодность выращивания зерна и поэтому ориентированность населения (в данном случае андийского) исключительно на скотоводство.

А также следствие — покупку хлеба и леса у более обеспеченного и тем, и другим населения соседней Чечни, находящегося в лучших экономических условиях, чем население одного из беднейших с вырождающимся населением Андийского округа АССР [ЦГАРД. Ф. р-563. Оп. 1. Д. 29. Л. 39].

Также подчеркивается ограниченность летнего выгона скота у андийцев 3–4 месяцами, остальное время жители округа вынуж-

дены гонять скот в другие места, в частности на спорные участки, называемые сервитутными, на зимние пастбища в ДАССР, а также на арендованные земли в Грузии и Азербайджане. Подобное положение вещей, по мнению комиссии, существенным образом ограничивало развитие скотоводства.

Помимо этого в документе идет речь об ограничении обеспечения лесом для строительных и топливных нужд, который приходится покупать «в богатой лесами соседней Чечне». При этом отмечается, что

царское правительство учитывало все эти обстоятельства и предоставило, как известно, населению Андийского округа право бесплатного пользования казенными пастбищами и лесами, находящимися в пределах Чечни. Комиссия ВЦИКа лишила его этого права и не только лишила, но и отобрала часть основных наделов [ЦГАРД. Ф. р-563. Оп. 1. Д. 29. Л. 40].

Дагестанская сторона высказалась против передачи сервитутных земель и лесов, а также спорных наделов с расположенными там дагестанскими хуторами. В результате ВЦИК удовлетворил большинство притязаний ЦИК ЧАО, в связи с чем дагестанская сторона еще ряд лет писала обращения с просьбой пересмотреть подобное решение [ГАРФ. Ф. р-1235. Оп. 120. Д. 161. Л. 58–59]. Разрабатывался проект, где Наркомзему предлагалось связаться с Чеченским земельным управлением об установлении порядка пользования пограничным населением ДАССР лесами, скотопроектной сетью, стоянками и переправами для скота, расположенными в пределах ЧАО.

Данной комиссией были зафиксированы споры между следующими селами: Гагатли и Анди ДАССР — Белгатой и Дарго ЧАО, Анди АДССР — Хой ЧАО, Гагатли — Беной, Анди — Цонторой и т.д.

В итоге в 1928 г. были вновь проведены границы между республиками, однако чеченская сторона (как администрация, так и жители) воспринимала их как проектные, в то время как ЦИК ДАССР был склонен считать эти границы реальными и не под-

вергающимися изменениям. Из-за этого недопонимания были зафиксированы захваты земель и обвинения в этом со стороны представителей обеих территорий. В 1928 г. в ЦИК поступали записки из окружной милиции, просившей поскорее установить границы между ДАССР и ЧАО, поскольку между гражданами Гагатля и Беной возникают частые споры за участки земли, случались прогон скота, побои пастухов, даже убийства.

Ситуация оставалась без изменений и в последующие годы.

По донесениям сельсоветов селений Анди и Гагатль Ботлихского района ДАССР, а также по заявлениям бдительных граждан, границы, установленные паритетной комиссией в 1929 году между ДАССР и ЧАО, вновь нарушаются населением пограничных с Ботлихским районом селений ЧАО, в частности, селений: Тазинхали, Баяни, Хо, Макачи. <...> На пастбищах, принадлежащих селениям Анди и Гагатль Ботлихского р., уже пасется чеченский скот, и кроме того чеченское население всячески издевается над андийскими и гагатлинскими пастухами, нанося всевозможные оскорбления и угрозы, и даже были случаи запугивания оружиевыми выстрелами. При таком положении не лишена возможность, что может произойти между враждующими сторонами столкновение, так как гр-не селений Анди и Гагатль крайне возмущены поведением жителей пограничных с ними селений [ЦГАРД Ф. р-563. Оп. 1. Д. 27. Л. 64].

Из обращения ДЦИК к Чеченскому облисполкому от 4 июля 1930 г.:

В данное время на пастбищах, принадлежащих аулам Анди и Гагатль Ботлихского района ДАССР, пасется скот населения ЧАО, причем последнее захватывает пастбища этих аулов, применяет запугивание населения ДАССР ружейными выстрелами. Вследствие такого положения не исключается возможность вооруженного столкновения. Просим срочно

принять необходимые меры к возвращению населения ЧАО в пределы ЧАО и к предупреждению повторения перехода им границ в будущем [ЦГАРД. Ф. р-563. Оп. 1. Д. 27. Л. 62].

Все истории о конфликтах в XX в., рассказанные мне информантами из андийских селений, касались нападений на чабанов или воровства скота (с чеченской стороны). Убийства на этой почве были нередки, за ними часто следовала активизация кровной мести. Большинство из этих конфликтов, о которых говорили информанты, опираясь на рассказы отцов и дедов, были связаны с довоенным периодом. Истории гагатлинцев в основном посвящены воровству чеченцами стад, пасшихся на горных пастбищах.

В период депортации чеченцев андийцам представилась возможность свободно выпасать свой скот на пустующих землях, в чеченские селения были переселены дагестанцы, в том числе и андийцы. После возвращения чеченцев из ссылки, с конца 1950-х годов, информанты уже не рассказывают никаких значимых историй о конфликтах, связанных с использованием земли или кражей скота. Очевидно, переселение части чеченцев и андийцев (соответственно в равнинные районы и города Чечни и Дагестана) сняло острую проблему нехватки пастбищ.

В постсоветский период острота вопроса также решилась: чеченские горы в значительной мере обезлюдели, в горных районах осталось лишь незначительное количество жителей, которые скотоводством практически не занимались. В этих условиях андийцы получили возможность на очень льготных условиях арендовать сенокосные и пастбищные земли. По сообщениям информантов, некоторые чеченцы даже дарили свои участки кунакам-андийцам или разрешали пользоваться ими бесплатно.

В последние годы, когда руководство Чечни провозглашает политику поддержки и развития горных районов, некоторые жители горных чеченских сел также стали заниматься животноводством, тем более что оно начало приносить прибыль. В связи с этим цена на аренду сенокосных земель стала расти.

В современных условиях проблема воровства скота одними соседями у других также порой возникает во время перегона овец между горами и равниной в осенний и весенний период. Например, Гагатли держит на 400 своих дворов около 15 000 овец, которые участвуют в таких перегонах. У селения есть земли в равнинном районе Дагестана — Бабаюртовском и Хасавюртовском, куда и осуществляется перегон. Путь из Гагатли до равнинных пастбищ длится семь дней, если двигаться по территории Дагестана, и три дня, если идти через Чечню. Однако только один хозяин сегодня гонит свою отару через Чечню, потому что у него есть очень крепкие куначеские связи в тех селениях, через которые идет его путь. Остальные гагатлинцы, участвующие в сезонном перегоне, предпочитают идти в обход. Чабаны опасаются использовать чеченский путь, т.к. ожидают возникновения препон, организованных местными жителями. Чеченские сельские сообщества могут не разрешить прогонять овец через свою территорию, даже если официально не имеют такого права. К тому же нередко местные жители делают на своей территории земляные ловушки для овец, а когда овцы идут через селение — разбрасывают соль от главной дороги к своим дворам. Овцы подъедают эту соль и попадают на двор, где их закрывают, и найти их уже невозможно.

Однако на современном этапе в целом воровство скота в горах уже неактуально. Наоборот, сейчас существует некоторая пастушеская кооперация.

Х.: Летом мы же с чеченцами, с чабанами, вместе пасем. Вместе. Даже им иногда (скот) оставляем и домой едем (ненадолго). Если у меня дела, то я могу на них (оставить) день-два, чтобы он смотрел.

Соб.: Это бесплатно? По-дружески? Или барана отдать там?

Х.: Да, бесплатно, по-дружески. И если им надо за их скотом — мы тоже смотрим (Х., м, 45 лет. Гагатли, 2013).

Правда, имеются в виду нанятые чабаны, не принадлежащие соседним селам (поскольку последние в большинстве своем уже не держат скот).

Щце и хъаш — конфликты и способы их решения

Описанные выше земельные конфликты интересны для антрополога с точки зрения того, как они воспринимаются, проблематизируются местными жителями и как члены сообществ пытаются решить споры в тех условиях, когда государство не смогло помочь в их решении и порой даже усугубляло ситуацию.

Для андийцев горные села Чечни, с которыми они непосредственно граничат, — ближайшие конкуренты. Тем не менее с ними были сильно развиты тесные куначеские связи, сохранявшиеся через поколения. *Щцле* (в чеченском варианте — *хъаш*) — кунак, друг (а также его семья). С ним поддерживаются приятельские отношения, часто на протяжении поколений, у него человек обычно останавливается, прибывая в это село (отсюда, видимо, не вполне корректный перевод на русский, которым пользуются андийцы — «гость»). Наличие гостей в том или ином селении и для андийца, и для чеченца — способ страхования себя и важный контакт для экономического взаимодействия.

В описаниях конфликтов с соседними селами гости нередко выступали посредниками между враждующими сторонами, андийскими и чеченскими селениями.

Х.: Умахан рассказывал. Видимо там наши сельские женщины были, скот пас, они чуть нашей стороны, а эти женщины чуть этой стороны, и их скот чуть чеченской стороны пошли, и когда с чеченской стороны пошли, потом они выгнали их, женщин, скот. Поругались на женщин. Это слышал наш дедушка, Умахан. Оказывается, с нашей земли их скот постоянно на водопой шел, стадо быков. Раньше быки были, у каждого в селе два быка были, пахать, возить. И у них были. И они через нашу землю на водопой гоняли их. Как слышали, что женщин они выгнали (чеченцы. — Е.К.), то сказали: с этого дня через нашу землю на водопой не ходите. Один раз не пустили, второй не пустили, потом неделю его отцовский гость приходит с Чечни, старый-старый. Он ничего не сказал, еще семь человек с ним бородатых, с гор (пастухи).

Он ничего не сказал, баран резал (дед), они ничего не сказали, один ночь ночевали, как обычно, у нас три дня гость, обычай такой. И на следующий день он на водопой не пустил, он не спросил, для чего они пришли. На третий день он (дед) все-таки спрашивает — зачем ты пришел. Тот: вот тебя увидеть, твоих сыновей увидеть, давно не видел. И потом он рассказал, вот так, вот так. Я до сих пор ничего не говорил, но когда на вашу сторону скот переходит, вашим с нашими женицами ругаться можно, а если я обратно туда сюда... с ними тоже ругался. Они говорят — отпусти, скот невиноватый за то, что они (другие чеченцы) делали (дед сказал:) ну я знаю, что скот невиноватый, но если граница, значит граница. Если сюда можно, нашим тоже можно. И там потом уладились, и следующий день (чеченский гость) много кукурузы принес тоже, они тоже пустили, и наши тоже. После этого помирились.

Соб.: Получается, гости кунаки как посредники?

Х.: Да, этот гость не с их села, с другого села был. Проблема была с бенойцами, а он был с Берхутала, не знаю, как переводится, по-нашему берхутала, оттуда, с хутора приехал кунак. Посредник и получается. Это тоже дедушка мне рассказывал, Хасанхан (Х., м., 45 лет. Гагатли, 2013).

Если у гагатлинца случится конфликт с кем-то из чеченского селения, то он также сперва пойдет к своему чеченскому *цӀцӀе* в этом селе, который может также выступить посредником.

Х.: Сначала к кунаку пойду. Потом вместе с кунаком пойдем — или в мечеть, или куда надо обращаюсь. Или в сельсовет, к администратору. Пусть они, в их село.

Соб.: А кунаки помогают в таких ситуациях или они на другой стороне стоят?

Х.: Обязательно. Обязательно они помогают, но они, эти чеченцы, своего вора никогда не выдают. Не знаем, не скажут они, они скажут — туда-сюда вопрос решим, посмотрим» (Х., м., 45 лет. Гагатли, 2013).

В ходе столкновений пастухов с ворами нередко были случаи убийства. Вслед за этим нередко актуализировался обычай кровной мести. Иногда последствий убийства удавалось избежать. Так, в одном из рассказов о событиях 1930-х годов (рассказывал правнук участника событий, со слов своего деда), пятеро молодых людей из чеченского села попытались угнать скот гагатлинского пастуха, последний убил одного из воров. Те понесли труп товарища в родное село, но по дороге повздорили — кому объявить родителям убитого о его смерти, боялись, что могут подумать на них. В результате они начали драться и убили друг друга (трое были убиты, один скрылся из села). Человек из Гагатли, который взял на себя ответственность и пошел на переговоры в чеченское село, пытаясь предотвратить масштабный конфликт, придя к чеченцам узнал, что трупы молодых парней обнаружены, но никто не знает причину, все списывают на драку между парнями. Парламентер развернулся и, не выдав истинную причину смерти одного из чеченцев, вернулся в Гагатли. Кровной мести в этом случае не было.

Нередко при краже скота вместе с ворами-чеченцами были и воры из андийского селения — действовали как наводчики или как члены банды. В этом случае часто спрашивали ущерб именно со своих, поскольку справедливо полагали, что без их наводки и помощи преступление бы не совершилось. Виновных заставляли вернуть пострадавшим стоимость украденного, за отказ подчиниться этому решению могли забрать их имущество и даже продать или разобрать дом².

Семьи кунаков нередко становились медиаторами в случае конфликта между селами, пытаясь найти баланс между интересами кунака и своего сообщества. При этом при минимальных родственных контактах между чеченцами и андийцами именно куначеские связи становились важным элементом коммуникации между сообществами.

Пограничные конфликты происходили не только с чеченцами, но и между соседними андийскими селениями. Здесь они также

² Подробнее о подобной практике — *ишкиль* — см.: [Бобровников 2002: 61–63].

будут рассмотрены, поскольку для меня представляют интерес механизмы разрешения подобных земельных конфликтов.

Андийцы, как уже было отмечено вначале, ощущают свое единство, представляют себе андийскую общность, даже если определяют ее как локальную, а не этническую. Тесные связи рассматриваемых андийских селений друг с другом очевидны. В частности, они отражены в преданиях об основании селения Гагатль, где андийцы выступают как союзники йолукинцев (жителей древнего села Йолук, названного по имени его основателя), помогавшие им в случае противостояния с другими соседями — бичлонинцами [Мурадбегов 1996: 8].

Несколько тухумов, таких как Хъачилал, Херчилал и Гьяжиклал, живут и в Анди, и в Гагатли, и в Риквани. Они не считаются родственниками, но представители этих тухумов помнят об общем происхождении.

Однако конфликтные ситуации, в частности связанные с проблемой земельных границ между селами, имели и до сих пор имеют место быть. Проблема здесь состоит не столько в нечеткости административных границ, сколько, на мой взгляд, в фактическом существовании на территории нескольких систем собственности на землю, которые актуальны для местных сообществ.

Частно-общинная собственность на землю [Агларов 1988] формально была ликвидирована во времена колхозного строительства, однако не забыта. Например, после разрушения колхозной системы в Гагатли произошло перераспределение участков согласно системе доколхозного владения. В современном Дагестане до сих пор существует мораторий на оформление земли в частную собственность. Тем не менее в конце XX — начале XXI в. де-факто земельные отношения как внутри селения, так и при взаимодействии с соседями опираются на эту систему пользования земельными участками — пашней, сенокосами или пастбищами. Пашенные земли у села были возвращены прежним хозяйствам и не отчуждаются, сенокосные и пастбищные земли в горах, принадлежащие гагатлинцам, распределяются каждый год по жребию, дабы соблюсти справедливость — участки разные по качеству и удаленности.

Эти правила игры в целом разделялись всеми соседями. Однако не обходилось без противоречивых случаев, порождавших земельные споры между жителями соседних селений.

Произошедший пару лет назад земельный спор между жителями селения Гагатли и Гунха возник по причине потравы гагатлинским скотом тех земель, которые жители Гунха считали своими. Суть конфликта: гунховцев не устраивал тот факт, что на их землях пасутся и дойные, и недойные коровы из Гагатли, а у них на этих землях выпасались только недойные, поскольку у них мало поголовья в селе и из-за этого пастуху причитается маленькая сумма за работу. Чтобы заинтересовать пастуха зарплатой побольше, всех сельчан обязали дойных коров отдавать ему в стадо, уходящее в горы. В результате близ села оставались только недойные коровы из Гунха, а гагатлинцы здесь всех коров держали бесплатно. Многие ворчали: «Мы за деньги к пастуху, а они на наших землях пасут бесплатно». Они пришли разбираться с этим к главе администрации Гагатли. Тот сказал, что границы еще четко не определены. Гагатлинцы утверждают, что эти земли отошли к Гунха тогда, когда землеустроитель в 1970-х годах был родом из этого села, поэтому эти границы они считают неокончательными. Гунховцы же настаивают, что границы уже определены. Интересно, что тогда глава предложил соседям решить вопрос «как мусульмане — по шариату». Здесь одно селение апеллирует к советским границам, другое — явно к доколхозному периоду, подтверждая свои притязания возможностью решения вопроса по шариату.

Причем подобный земельный спор уже возникал 15 лет назад, тогда один из гагатлинских стариков предложил сельчанам следующее. Он был готов поклясться на Коране, что спорные земли принадлежат Гагатли, но при условии, что гагатлинцы построят стену, разграничив территорию между селами и навсегда решив этот вопрос (такая стена вроде бы была раньше, но ее разобрали). Строительство стены не столько акт недоверия и закрытости, сколько естественная преграда для коров, таким образом, соседи избежали бы столь частых конфликтов из-за потравы скотом

чужой земли, огородов. Сельчане тогда не согласились строить стену, по словам информанта, поленившись, поэтому спорный вопрос возник вновь. В итоге стороны достигли компромисса (гагатлинцам было предписано лучше смотреть за своими коровами), и страсти улеглись.

Возникал у гагатлинцев спор из-за пастбищной земли и с рикванинцами.

Х.: Потом, короче, спор пошел, большой спор был с рикванинцами в горах. Решили: что до этого было — так оставь. Им хватит земля, нам хватит земля. Они успокоились. Потом пришел один человек — ты что! Потом, видимо, клясться на нашей стороне (решил). Эти рикванинцы и наши пошли спорить на эту границу, они сказали, и на нашей стороне он тоже пошел. Моего дедушки мать рикванинка. Он сказал (дед, вероятно): «Я до сих пор не вышел, ваши тоже кто-нибудь выходите сюда, здесь границы знаю я и я завещаю эти границы, которые я показываю, и моим сыновьям — всем клясться. Что туда ходит, сюда ходит — я ничего не говорю, и давайте оставим этот вопрос (т.е. я могу поклясться где моя земля, но давайте оставим все как есть — зачем все это поднимать, когда земли всем хватает. — Е.К.)». Рикванинцы это слышали, все решили оставить этот вопрос — зачем это. Все, которые уходят, в землю. Оттуда не вернутся. Лишние вопросы оставь, как раньше были, до перестройки, оставьте это и все. Потом этот рикванинец Саидбек, старик, рассказывали, пришел к моему деду, а потом спросил — зачем ты так сказал? Мой дед сказал: я на вашу сторону не должен, ты на нашу. Так сюда ходи, туда ходи, пускай моя земля моей будет, хоть на моей земле ходишь — ходи. Но границы оставь так как было.

Соб.: То есть я знаю, что это моя земля, ты знаешь, что это твоя, но давай оставим как есть границы, мы просто помним, чья где земля, а пользуемся советскими границами?

Х.: Да. И этот вопрос оставь, говорит дед. А то один выстрел получится, два, три выстрела могут получиться (т.е.

из-за этого нестоящего дела может между соседями быть вооруженный конфликт). Это в 1992–1993 годах так было (Х., м, 45 лет. Гагатли, 2013).

Между Анди и Гагатли также есть земельные споры и взаимные претензии. В качестве примера приведу рассказ информанта о попытке решить эту земельную проблему.

*И.: Триста га земли хотели дать нам андийцы. Во время пятничной молитвы, это лет 100 назад. Недавно опять они думали отдать, разговор был. Они очень хорошо понимают, что эта земля им и нам поровну **положена**. По **шариату** (выделено мной. — Е.К.). Потому что раньше разделения земли не было. Пастбища, сенокосные поля — общие были. А разделение было после имама Шамиля... Они там решили. Наш человек во время пятничной молитвы там сидел, он все слышал. Они говорили, мы пойдем к гагатлинцам, как они имели право на эти земли, чтобы из поколения в поколение... отдадим им 300 га. Если они не согласятся — отдадим им еще какую-то местность (назвали ее). Но они потом увидели нашего человека (пришедшего в андийскую мечеть на молитву. — Е.К.) и его заперли на три дня, чтоб не говорил (не рассказал об услышанном гагатлинцам. — Е.К.). Ну, когда они пришли, гордый какой-то гагатлинец, который кроме этих слов ничего не знал, он сказал: «Куда вы денетесь, наша земля, и так. И так отдали бы». В таком тоне что-то сказал.*

Ю.: — Испортил все.

И.: Тогда андийцы <...> ему сказали: «Таких людей, как ты мы дома оставили, чтобы решить этот вопрос. Ну если так, у нас тоже такие люди есть, возьмите у них». Обиделись и ушли. И в 2000-м году, когда покойный был Мухаммад (из Анди), уважаемый ученый человек, общественный деятель, маслиатчик, шариатом занимался. Он хотел, чтобы еще раз этот вопрос решился. С нашей стороны активности не было. Наш тогдашний глава, тогдашний имам — с их стороны активности не было, из-за этого этот вопрос остался. Вот

сейчас с нашим имамом мы говорили. Но сейчас чтоб этот вопрос с ихней стороны, чтоб взяли на себя — человека нету. Авторитетного (И., м., 46, Гагатли 2013).

На современном этапе шариат в этом микрорегионе Дагестана обладает гораздо большей степенью легитимности, нежели адат и законы государства.

Данный отрывок показателен еще по одной причине: указывается важность переговорщиков, медиаторов между двумя общностями. Отсутствие того, через кого можно было бы договариваться со всем сельским сообществом, *авторитетного человека*, фактически не дает разрешить этот давний вопрос. Авторитет пожилого *турак*, главы мюридов, участвующих в зикре в Анди, уже не столь значителен, по словам гагатлинских информантов, чтобы тот смог совершить *маслиат* по этому вопросу. Причину видят не только в преклонном возрасте *турака*, но и в том, что в Анди в настоящее время часть жителей, в основном молодежь, отрицают суфизм и являются приверженцами новых вариантов ислама, нередко более радикальных («Ахлю Сунна аль джамаа» и другие) (см. об этом [Ярлыкапов 2014]).

Между тем посредничество авторитетного сельчанина сыграло позитивную роль в урегулировании еще одной земельной проблемы между гагатлинцами и рикванинцами. На земле, принадлежащей селению Риквани, находится источник, вода из которого практически не используется рикванинцами, зато очень нужна гагатлинцам, особенно в зимний период. Переговоры о разрешении гагатлинцам пользоваться водой из этого источника начались еще в начале 2000-х, при предыдущем главе Гагатли. Однако тогда переговоры зашли в тупик и гагатлинцы не добились желаемого. Переговоры возобновились в 2013 г., когда гагатлинцы попросили выступить посредником между двумя джамаатами выходца из Риквани, известного человека в районе — чемпиона по боксу А. Надирбекова. Выбор Надирбекова оказался очень удачным. Во-первых, успешные спортсмены пользуются в Дагестане огромным авторитетом (об этом см. [Солоненко 2012]), во-вторых, бок-

сер был братом главы администрации Риквани, который, в свою очередь, был женат на гагатлинке. После переговоров с жителями Риквани (в первую очередь, со стариками), спортсмен добился согласия рикванинского джамаата позволить соседям пользоваться источником. В качестве благодарности рикванинцам местный депутат от Гагатли, бизнесмен, решил устроить внеочередные скачки в Риквани с призовым фондом из своих средств — они должны были пройти 12 октября (обычно они проводятся в Риквани 12 апреля, о скачках см. ниже)³.

Земельные споры между соседними селами в постсоветский период зачастую связаны с переходом от колхозного землевладения к постколхозному — когда в указанных селах фактически попытались вернуться к доколхозной системе частно-общинной земельной собственности (повторюсь — в условиях официального моратория на земельную собственность в республике). Основную сложность представлял механизм доказательства своего права на тот или иной участок. Наиболее легитимным в рассматриваемых сообществах, судя по информации из интервью, является клятва на Коране и предоставление свидетельств. В качестве последних, как правило, выступают пожилые сельчане, помнящие доколхозную земельную карту селений, а также те члены сообщества, которые знают свои границы и специальные отметки по рассказам родителей и дедов (межевые камни). Клятвы на Коране, распространенные и раньше, сейчас также весьма популярный способ заявить права на свою землю: подобные клятвы не оспариваются, суровое наказание за лжесвидетельство подразумевает богобоязненную честность того, кто присягает.

Интересно, что даже при урегулировании конфликтов между несколькими людьми или семьями, принадлежащими к разным селениям, субъектом права часто выступает не отдельный человек и его семья, а все сельское общество — джамаат. От имени джамаата ведутся переговоры, между джамаатами заключаются сделки.

³ В тот день скачки не состоялись, так как в селе умерла пожилая рикванинка и по случаю ее похорон мероприятие было перенесено.

Успех в решении таких сложных проблем, как земельные споры между представителями разных селений, зависит от сплоченности джамаата. Приведу пример неудачной попытки решить спор о землях — опять между Гунха и Гагатли. В советский период к жителям Гунха, имевшим гораздо меньше земель, чем соседи, отошла часть пастбищ Анди и Гагатли (гагатлинцы, рассказывавшие эту историю, преподносили это в выражениях «мы дали им землю»). Когда колхозы в горах фактически прекратили свое существование, андийцы «забрали» свои (т.е. доколхозные) земли у гунховцев, гагатлинцы также решили это сделать. Причем землю (сенокосную) гагатлинцы решили забрать через практику: просто однажды скосили траву на этом участке и продали. Реакция жителей Гунха была следующей: они вызвали милицию (с точки зрения законодательства произошла кража сена). Тем не менее в ходе межселенной дипломатии жители Гунха уже готовы были признать правоту соседей.

И.: Фактически земля была уже, по шариату тоже они готовы были отдать (гунховцы). Но потом некоторые сказали — это наших отцов. Хотя никогда их отцов не было. Может, специально развал такой сделали. Это 3–4 человека гагатлинцев сказали, что это их отцовская земля. Тогда им сказали — сами попробуйте взять. Если это ваше, зачем мы будем стараться... Потом народ оставил, решили оставить, а те уже готовы были отдать.

Ю.: Все, уже они думали, что земли отобрали и на всякий случай они врать начали, что это ихние земли — а никогда они не были ихними. Тогда люди сказали: «Сами возьмите тогда».

И.: Мы, народ, эту землю взяли, а потом придет этот человек, поклянется на Коране, и придется отдать. Зачем?!» (Ю., м., 47, Гагатли, 2013).

Фактически предоставив претендентам на земли самим разбираться со своей декларируемой собственностью, сельчане ли-

шили их поддержки сообщества, что не позволило тем решить вопрос в свою пользу.

Ответственность может лечь на все сельское сообщество за неправомерные действия кого-то из его членов. Приведу пример такой коллективной ответственности в отношениях между чеченцами и андийцами. Когда у одного из гагатлинских чабанов украли стадо, то по решению джамаата гагатлинцы напали на сельское стадо того чеченского села, откуда предположительно были воры, и увели его. Когда в Гагатли пришла делегация из чеченского села с требованием вернуть стадо, гагатлинцы потребовали найти воров и принудить их вернуть награбленное, отмечая, что за члена общины должен нести ответственность весь джамаат. Чеченцы вынуждены были согласиться и своими силами нашли воров.

Вот еще характерный пример, показывающий и степень коллективной ответственности, и важную роль медиатора.

*Х.: Вот в 1999-м году, в 1998 году было. Граница была с беноевцами. Одного человека скот когда забрали, к ним в село пошли и сказали — или мой скот верни, или я заберу у вашего первого попавшегося, мне разницы нету. Месяц давали. Месяца нет. Никто не придет, не скажет — я украл. А потом он пошел к ним в село и у них сорок коров забрал. Три бычка и одна телка украли у него, а он сорок коров забрал. Сейчас он в Хавсавюрте живет, ногу повредил. Потом джамаат приходит беноевские, туда-сюда, он сказал — мои верни, я обратно верну тоже. Если не вернете — все. Найдите мне. Я не должен искать, **ваши вор — вы и найдите**. Так же легче.*

Соб.: И в итоге?

Х: И в итоге не нашли. Оказывается, я встретил: один ихний богатый человек, на дне рождения. Он рассказывал мне, что он купил сам (скот. — Е.К.), чтобы уладить отношения, на свои деньги, которые наш человек показывал примерно (скот. — Е.К.), был вот такой, вот такой и вот такой. Примерно купил и отдал ему (скотину, эквивалент той, которую украли. — Е.К.). Богатый чеченец купил и отдал. Если он найдет вора, он заберет свое.

Соб.: То есть этот богатый человек из Беной-Ведено как бы маслиат делал.

Х.: Да, маслиат делал (Х., м., 45 лет. Гагатли, 2013).

В данном случае один из богатых сельчан взял на себя ответственность и для того, чтобы купировать конфликт, потратил свои средства (очевидно полагая, что затем успешно справится с проблемой внутри своего сообщества).

Когда в другой раз воры сожгли несколько летних хуторов, принадлежащих гагатлинцам, по решению общества гагатлинцы применили ответные меры.

Х.: Один раз, в 2008 году, они наши хутора сжигали. Шесть хуторов сжигали наших. И опять сказали им — восстановите наши хутора, а то что-нибудь придумаем. Месяц прошел, они не восстановили. Наши тоже ребята ушли туда. Ихних тоже 13 хуторов сжигали. За наши шесть.

Соб.: А всегда не сразу делают, а месяц дают.

Х.: Ну, время на размышление. Всегда же дают (Х., м., 45 лет. Гагатли, 2013).

В этом случае чеченцы не стали предъявлять претензий, согласившись коллективно нести ответственность за членов своего сообщества.

Приведу один из последних известных мне примеров, когда вопрос (снова по поводу пограничной земли) решался не с государственными представителями или частными владельцами земли, а с джамматом. В 2014 г. пограничные отношения вновь стали актуальны в связи со строительством в Введенском районе Чеченской Республики базы отдыха «Кезеной-Ам» (фактически это реконструкция старой советской базы), которое формально разделено пополам между этим районом и Ботлихским районом Дагестана. В этих условиях власти Чечни, первоначально желавшие заключить соглашение с президентом республики Р. Абдулатиповым об организации на берегу пограничного озера новой

рекреационной зоны, решили провести встречу и с *представителями джамаата* андийских сел, находящихся на этой границе. На встрече присутствовали глава администрации селения Гагатли и его близкий друг, авторитетный гагатлинец. Эти представители джамаата дали свое *согласие* чеченской стороне использовать озеро в своих целях.

Излишняя с точки зрения исполнения государственных законов, эта акция — пример того, что сельское сообщество и сейчас в определенной степени воспринимается как коллективный субъект права при решении земельных вопросов. Замечу: здесь встреча главы села с чеченской стороной артикулировалась именно как встреча представителя гагатлинского джамаата, а не главы муниципального образования Республики Дагестан.

Показанные пограничные конфликты между соседями и способы их преодоления — не единственный вариант взаимодействия соседей. Далее я обращаю внимание на экономические и социальные связи, актуальные между андийскими и чеченскими селами, а также на те элементы культурной жизни сообществ, где андийцы склонны проявлять больше солидарности с чеченцами, нежели с остальными частями Дагестана, таким образом формируя свою пограничную идентичность.

Торговля

Несмотря на противоречия в вопросах проведения границ между андийскими селами и соседями-чеченцами, между ними всегда активно развивалась торговля — и в досоветский период, и позже.

Андийские селения в значительной мере удовлетворяли спрос соседей на мясо. Чеченцы приезжали покупать скот — бычков и овец. Специфический товар гагатлинцев — сушеное мясо, сельчане занимаются сушкой говядины почти в промышленных масштабах, обеспечивая этим товаром республику примерно на 80 %. Этому способствует большое количество скота, содержащегося в селении, и оптимальный для подобной технологии климат. Этот товар в последние годы находит заинтересованных покупателей

в Чечне (кроме чеченцев потребляют его, главным образом, сами дагестанцы как внутри республики, так и за ее пределами). К примеру, один из сельчан, производящий сушеное мясо, 60 % своего товара отвозит на продажу в Махачкалу, а 40 % — в Чечню. При этом если на дагестанский рынок поставляются голени, то на чеченский отвозят ребра, учитывая специфику вкусов покупателей из Чечни.

В свою очередь из Чечни в андийские села привозят дрова (Чечня богата лесом, тогда как безлесные горы этой части Дагестана в нем нуждаются), комбикорма, зерно. Стройматериалы, и городские товары также поступали к андийцам через Чечню: дорога до Грозного, одного из самых крупных и развитых городов Северного Кавказа, в советское время была быстрее и легче, чем до Махачкалы, уступавшей по потенциалу последнему.

Б.: Раньше вот до первой-второй чеченской войны, до 1990-го года, мы вообще не знали, что такое Махачкала, Хасавюрт. Ну, знали-то знали, но никаких вот перевозок, экономических, никаких интересов у нас там не было. Все ездили в Чечню, в Грозный и обратно по всем делам... Раньше там тоже все можно было достать. Экономически там все было. Например, если в Москве не могли достать, в Ведено приехал, там в хозмаге можно было купить все, а в Москве не было (Б., м., 50, Гагатли 2011).

Торговля прекратилась во время первой и второй чеченских кампаний, в последние несколько лет она вновь налаживается.

Равнинная Чечня воспринимается андийцами как богатая и плодородная земля, источник многих благ, всегда противопоставляется своим каменистым и неплодородным владениям. Это неоднократно подчеркивалось в интервью. Жители пограничных дагестанских сел, в том числе и андийцы, и в досоветский, и в советский периоды выезжали туда на заработки: нанимались пастухами, работали на стройках. Естественно, после начала чеченских кампаний подобная практика исчезла. В последние годы, насколько я знаю, дагестанцы опять выезжают в Чечню на работы.

Миграции в Чечню и брачные связи

Связи с чеченскими селами прослеживаются и в историях местных тухумов. Так, к гагатлинскому тухуму Гъажиклулал в свое время присоединилось несколько человек из селения Беной [Мурадбегов 1996: 12]. Гораздо более значительной, судя по всему, была обратная миграция. Например, по сообщению краеведа У. Мурадбегова, в чеченском селении Атаги большое количество жителей — гагатлинцы по происхождению, много выходцев из Гунха проживают в Гудермесе [Там же: 12]. Выходцы из Гагатли давно перешли на чеченский язык и практически не поддерживают связи с прежней родиной, браки между ними также не распространены. Однако идентичность свою — выходцев из андийского селения — они поддерживают, об этом рассказывали мои информанты, вспоминая встречи с чеченскими андийцами.

Интересный случай описан У. Мурадбеговым со слов 90-летнего А. Сулейманова, слышавшего эту историю от отца, по поводу земельного спора между гагатлинцами и беноевцами за местность «Чонгол».

Когда началась стычка <...>, на помощь беноевцам тайно в полночь отправляется часть жителей из селения Атаги — выходцы из с. Беной. В Атагах жили и живут также выходцы из селения Гагатли. И когда они узнали, куда идут атагинцы беноевского типа, то они спешили на помощь гагатлинцам в горы. Они догнали беноевцев и преградили им дорогу. Но до драки дело не дошло. В результате переговоров, не доходя до места конфликта, они примирились и вернулись обратно в Атаги [Там же: 41].

Говоря о брачных стратегиях андийских селений в контексте их пограничного с Чечней положения, следует вспомнить об особенностях структуры семьи. В Чечне основу составляют родовые объединения — тейпы, где основное брачное правило — экзогамия, особенно по мужской линии. В сообществах горного Дагестана распространена другая система: общественная структура базируется на общинном принципе. Семейные организации —

тухумы — быстрее подвержены изменениям и насчитывают всего несколько поколений.

При этом для тухумов в большинстве случаев характерна эндогамия. В этой части Дагестана еще весьма распространены кузенные браки. В настоящее время процент таких браков в рассматриваемых селах снижается, однако сообщество живет по принципу, который красноречиво можно описать при помощи цитаты из интервью с гагатлинцем:

Мы уже не женимся на двоюродных, но никому не отдаем троюродных (Ю., м., 48, Гагатли 2014).

Для сельской общины браки внутри села крайне желательны, при этом рынок брачных партнеров не ограничивается горным селом, в него также входят равнинные села, куда мигрировали сельчане, а также городские сообщества односельчан.

В связи с этим для чеченских семей становится более возможным вариант отдать дочь замуж в андийское село, чем для андийцев — выдать дочь за чеченца и вообще — за пределы села. В свою очередь, чеченок брать в жены андийцы могут — о таких случаях рассказывают многие информанты. Упоминают информанты и о случаях, когда андийские девушки выходили замуж в Чечню, но воспринимается этот сценарий как крайне нежелательный. Некоторые исключения делаются для выходцев из андийских сел, уже несколько поколений проживающих в Чечне.

Военные кампании в Чечне и реакция сообществ

Первая и вторая чеченские военные кампании оказали большое влияние на характер взаимоотношений между соседями.

В начале военных действий в Чечне из соседних чеченских сел в андийские, прежде всего в Анди и Гагатли, потянулись беженцы — в основном женщины, дети и пожилые люди. Они жили в андийских селах по несколько месяцев. При этом были задействованы куначеские / дружеские связи, но не только. Информанты говорят, что практически во всех домах проживало по несколько семей, иногда не один десяток человек.

В этот период соседи вместе делали зикр. Молодежь и особенно дети, до этого не очень хорошо знавшие чеченский язык, стали говорить по-чеченски. То есть связи между андийцами и чеченцами, начавшие было ослабевать, вновь укрепились.

Во вторую чеченскую кампанию все было по-другому. В принципе началом ее считается нападение «группы международных террористов» с территории Чечни на Дагестан, а именно на Ботлихский, Казбековский и Новолакский районы в августе 1999 г. Селения Анди и Гагатли оказались в центре событий. Через их территорию была предпринята одна из нескольких попыток боевиков проникнуть в Дагестан. Об этих событиях андийцы рассказывают охотно, расписывая их буквально по часам. Согласно рассказам местных жителей, в районе Гагатли по инициативе сельчан были спешно сооружены оборонительные позиции, многие гагатлинцы, бывшие в отъезде или уже десятилетиями не жившие в селе, в эти дни спешно вернулись в горы. Андийцы закупали оружие и боеприпасы (часто — в той же самой Чечне). Наряду с мужчинами участие в подготовке к обороне принимали и женщины: готовили еду для ополченцев и рыли окопы. Селения готовились к обороне, а также пытались взаимодействовать с федеральными войсками: информировали военных о передвижении боевиков, просили оружие, но долго не получали от тех никакого отклика. В итоге они сами организовали военный штаб, полевую кухню, где подкармливали и солдат федеральных войск, которые позже прибыли в села в качестве подкрепления.

Информация о готовящейся акции боевиков была получена, по одной из версии, от жителей соседнего чеченского села — Беной-Ведено, по другой версии — из других источников. Боевики предложили андийцам без боя пропустить через свою территорию отряды из Чечни, сказали, что с ними, братьями по вере, планов воевать у них нет, отряды идут на Махачкалу. Андийцы на это ответили, что через *их землю* никого с оружием они не пропустят. Несколько дней велась позиционная война, обстрелы, андийцы заминировали и взорвали проход в ущелье. Затем прибыли федеральные войска. В результате инициатива жителей андийских сел была названа героической, о селениях и их самообороне сняли

фильм, участников наградили именными часами от президента (злые языки говорят — не всех и не всех заслуженно).

Правда, сельчане сетуют, что внимание и помощь, оказанные официальными лицами сельчанам, были несоизмеримо меньше, чем заслуги и финансовые затраты последних в ходе отражения атаки боевиков. Об этом событии существует множество публикаций, но мне хочется порекомендовать статью, основанную на воспоминаниях самих сельчан, которыми они поделились через несколько лет после событий, утратив иллюзии по поводу возможных льгот со стороны государства и потому весьма критичных по отношению к действиям властей в тот период [Измайлов 2002].

Для моей темы в этом событии интересен другой момент. После данного инцидента жители указанных андийских сел прекратили всякие отношения со своими чеченскими соседями, в частности Беной-Ведено и Дарго. Основанием для этого стала обида на жителей тех сел за то, что они позволили боевикам пройти через свою территорию и напасть на андийцев. И хотя никто из андийцев не сомневается, что среди нападавших не было местных чеченцев, их возмутило именно то, что чеченцы им не помешали. При этом андийцы вспоминали, как приютили беженцев в первую войну и обвиняли чеченцев-соседей в неблагодарности или трусости.

Х: Пока официальное перемирие не сделали — сюда ни один чеченец не приезжал. Вот эти 4–5 лет не приезжали. Мы туда не ездили, они не приезжали.

Ю.: Уважение друг к другу (должно быть. — Е.К.) <...> Обиду выражали мы.

Х.: Они знали, что нежеланны здесь — и не приезжали. А так официально не закрывали мы (границу. — Е.К.). Наши тоже не ездили. <...> Даже чабаны в горах скот пасут, друг с другом в горах встречались — и то не разговаривали. После войны вот так. Мы не думали, не хотели, чтобы они сюда с войной пришли — поэтому мы обиделись (Х., м., 40, Ю., м., 45, м., Гагатли 2011).

В результате между соседними селениями, чьи экономические и социальные контакты были весьма интенсивны, практически прекратилась торговля. Чеченцы перестали приезжать покупать скот (им дали понять, что они здесь — нежеланные гости). В свою очередь, они перестали доставлять товары, которые традиционно привозились из Чечни — дрова, зерно и т.д. Жители андийских сел предпочитали пользоваться дорогами до Махачкалы через внутренние дагестанские территории (Гимринский тоннель), а также через Гумбетовский район. Первая дорога существенно удлиняла путь на равнину, вторая была очень плохого качества. В результате поднялись цены: зерно на откорм, дрова, стройматериалы стали возить из Дагестана.

Интересно, что некоторые информанты и исследователи отмечают, что ослабление интенсивности торговых отношений с Чечней и последующее повышение цен на многие товары привело к увеличению потока мигрантов из горных сел на равнину, в частности к переезду гагатлинцев в Новогагатли, Андийский поселок Хасавюрта и Махачкалу.

Несколько лет продолжался этот период отчуждения. По словам информантов из Гагатли, чеченская сторона неоднократно пыталась наладить разорванные связи, но парламентареры получали отказ. Как правило, примирительные попытки предпринимались на уровне общения кунаков. Гагатлинцы рассказывали, что многим сельчанам приходили письма от чеченских *цццел*, с которыми у семей был тесные связи, с просьбой забыть обиды и возобновить общение.

Мои знакомые письмо прислали, мол, они не виноваты, они не хотели этого. Другие тоже получали, что они не виноваты, они не хотели, не могли этому препятствовать» (Ю., м., 45, Гагатли 2011).

Однако эти просьбы наталкивались на коллективное решение сообщества: андийцы отвечали отказами.

Например, мои знакомые; там разговоры или — так дальше продолжаться не может, надо возобновить связи, много общего и т.д., и т.п., такие разговоры или. Если бы со мной такой разговор был, я тоже бы ответил, что такого не должно быть, не будет примирения, потому что мы на сходе приняли решение, чтобы не торговать, не общаться с чеченцами. Такой сход сделали и приняли решение, что если узнаем, что есть такой человек, что торгует, общается и т.д.: мы полностью торговлю запретили на сходе, и это решение выполняли все (И., м., 41, Гагатли 2011).

Справедливости ради надо отметить, что сообщения о контактах с чеченцами в этот период мне слышать приходилось.

(Говоря о чабанах, разговаривавших в горах с чеченцами. — Е.К.) Скорее всего, они, конечно, разговаривали при встрече, знакомые люди если. Ну а так, официально, связь у нас была прервана (Ю., м., 45, Гагатли 2011).

Показательна позиция подчинения интересов отдельных семей общественному решению о прекращении контактов и контролю над исполнением этого решения.

Интересно, что при отсутствии контактов с чеченцами в горах, они, очевидно, не прекращались на равнине, в частности в Хасавюрте, куда часто ездят сельчане и где проживает немало андийских семей.

Только спустя несколько лет гагатлинцы согласились сесть за стол переговоров. В итоге процесс перемирия начался через общение между имамами, причем все переговоры проходили не в горах, а в Хасавюрте. В Гагатли и Анди чеченские делегации не приезжали. В Хасавюрт приехали делегации из Дарго и Беной-Ведено, из администрации Веденского района, администрации Ботлихского района Дагестана. Из Гагатли ездили участковый и сельчане-активисты (имамов не было). В результате между сообществами заключили маслаат — перемирие. С этого момента общение с соседями начало налаживаться, сейчас торговые связи

возобновились, снова общаются чабаны в горах и *цӀле и хъаш* приезжают друг к другу в гости.

Зиярат Умар-хаджи: кадырийская святыня

Через рассматриваемые андийские селения проходит религиозная граница распространения двух тарикатов — накшбандийского и кадырийского. Большая часть мусульман горного Дагестана из тех, кто принимает суфизм, относится к тарикату Накшбанди. В соседней Чечне более распространен кадырийский тарикат. В андийских селах кадырийский тарикат также имеет больше сторонников, хотя и здесь мне встречались принявшие накшбандийский и шайзилийский тарикаты сельчане.

Андийцы — приверженцы кадырийского тариката — несмотря на нахождение фактически на границе распространения Кадирии в регионе, не ощущают свое положение как окраинное. Большую роль в ощущении своей значимой религиозной роли играет святое для почитателей этого тариката место — могила шейха Умар-хаджи Андийского, ученика высоко почитаемого в Чечне шейха Кунта-хаджи Кишиева, благодаря деятельности которого кадырийский тарикат в регионе получил широкое распространение. Могила Умар-хаджи стала значимым зияратом, на поклонение сюда собираются не только жители окрестных андийских селений, но и последователи кадырийского тариката со всей Чечни.

История жизни шейха иллюстрирует тесные связи между андийскими и чеченскими селами: родившись в Анди, он впоследствии переселился в Чечню, затем был сослан в Новосибирск, а по окончании ссылки проживал в Астрахани вплоть до смерти. Позже его прах был перевезен чеченцами-последователями в Чечню и захоронен там (сначала в Эндирее, затем в Кешен-ауле). В 1951 г. останки шейха были перевезены сельчанами-андийцами в Анди (прах перевозили зимой, в чемодане), где он и был окончательно захоронен. Судя по словам пожилых андийцев, прах перевозили тайно, так как чеченцы, также очень почитавшие Умар-хаджи, не хотели расставаться с его святым прахом [Муртузалиев 2010: 21–25].

В начале 2000-х годов паломничество стало открытым и массовым. (До этого все приезжали в частном порядке.) В эти дни паломники собираются у могилы шейха и организуют мовлид, раздают милостыню. Обязательным элементом является громкий зикр, выполненный по правилам кадырийского тариката. На средства фонда и частных пожертвований у могилы на краю селения выстроена мечеть, подготовлены асфальтированные площадки, где проходит зикр (одна побольше — для мужского зикра и меньше — наверху от комплекса — для женского). Там же выстроен небольшой гостевой дом, где паломники из других селений могут останавливаться на ночлег. Те, у кого есть кунаки, друзья в Анди, останавливаются у них. Но, по словам информантов, многие уезжают домой сразу после зикра.

Несколько лет после событий 1999 г. чеченские паломники на зиярат не приезжали, потом паломничество возобновилось. Сейчас люди участвуют в совместном зикре, причем чеченцев ценят здесь за хорошие голоса. Проповеди перед зикром могут читаться на чеченском: андийский имам им владеет, как и старшее и частично среднее поколение. В свете недавних конфликтов с чеченцами дни паломничества к могиле Умар-хаджи становятся самым значимым моментом контакта между этими пограничными селами Дагестана и Чечни.

Дополнительную значимость андийской земле, по мнению местных жителей, придает тот факт, что сам устаз Кунта-хаджи имел родственные связи с андийцами.

Андийцы стали истинными последователями Кунта-хаджи еще и потому, что его бабушка была андийка из селения Гунха» [Муртузалиев 2010: 44].

В результате несколько лет назад был организован зиярат и в селение Гунха, правда его популярность еще только набирает обороты, но паломники, в том числе и из Чечни, уже появляются и здесь.

Религиозные связи чеченцев и андийцев выражаются и в том, что некоторые молодые люди из андийских сел учатся в духовных

учебных заведениях Чечни. Например, там получил образование действующий имам с. Анди (поэтому он очень хорошо знает чеченский язык и во время зиярата к Умар-хаджи может читать проповеди и на нем). Однако информанты подчеркивали, что именно Дагестан и в прошлом, и сейчас является флагманом религиозного образования в регионе и что нет особой нужды учиться за пределами республики. В частности, нынешний имам Гагатли учился в исламском университете в Хасавюрте.

Андийцы — последователи кадырийского тариката — также совершают паломничество в Чечню, в частности на могилу матери Кунта-хаджи.

Скачки — региональная страсть

Есть культурное событие, где до сих пор контакты между чеченскими и дагестанскими селами весьма актуальны. Этим мероприятием являются скачки, которые ежегодно проводятся в нескольких селениях Ботлихского района.

Для горного Дагестана увлечение скачками не очень характерно. В Чечне же это спортивное состязание чрезвычайно популярно, им увлечены все — от простого сельчанина до главы республики. И только в некоторых селах Дагестана, расположенных ближе к границе с Чечней, скачки, *klotul gьelloльыр* [Агларов 2002: 197] также популярны, особенно в рассматриваемых андийских селениях Гагатли, Анди и Риквани.

В Гагатли раньше скачки были приурочены к празднику первой борозды — *унсо буллольыр* («унсо» — вол, «буллольыр» — в значении «выводить», еще есть значение «заканчивать») и являлись частью спортивных состязаний. Праздник проходил 22 марта, в день весеннего равноденствия. Затем это мероприятие перешло на 8 марта. Судя по данным М. Агларова, праздник первой борозды был запрещен в 1940-х годах и возобновлен лишь в 1980-х гг. [Агларов 2002: 195]. На рубеже веков этот праздник проводить перестали, но ежегодные весенние скачки остались и в итоге выделились в отдельное мероприятие. Сейчас скачки четко ассоциируются с 8 марта, некоторые информанты средних лет даже не вспомнили, что когда-то это было лишь частью важного праздни-



Скачки близ селения Гагатли в 2014 г. Фото Е. Капустиной

ка календарного цикла.

По данным Е. Шиллинга, конные скачки устраивались не только по случаю этого праздника, но и в честь рождения сына, в знак уважения почетному гостю и просто по решению общества. «Скачки превращались в общенародное празднество, на которое собирались люди из разных аулов» [Шиллинг 1946: 61].

Примечательно, что раньше, по рассказам информантов, состязания скакунов устраивали и чабаны, пасшие скот на летних пастбищах. Каждый месяц скачки устраивались то гагатлинскими, то рикванинскими чабанами, эти дни информанты назвали чем-то вроде дня чабана (скорее всего это просто аналогия с советскими праздниками, прославлявшими ту или иную профессию). В таких скачках участвовали чабанские, т.е. вполне рабочие лошади. Сейчас подобные скачки не проводятся. По мнению информантов, из-за замены лошадей автомобилями и из-за того, что в горах сейчас находится не так много людей как раньше:

Раньше же летом — один человек дома, два-три в горах (Х., м., 45, Гагатли, Ботлихский р-н).

Чтобы эти состязания, проводимые соседними селами, не пересекались, за каждым селением закреплен свой день. В Гагатли, как уже было отмечено, это 8 марта, в Анди — 23 февраля, в Риквани — 12 апреля. Скачки в рассматриваемых селениях совпадают с выходными или государственными праздниками, тем не менее дни эти фиксированы не столь строго, мероприятие может сдвигаться на несколько дней — чтобы оно совпало с выходным или если плохая погода не позволяет проводить состязание.

Существует и различие в трактовке выбора дня: так в Риквани день скачек — 12 апреля, что уместно связать с днем космонавтики, но версия одного из местных жителей — что это день рождения того сельчанина, который спонсирует рикванинские скачки. По данным М. Агларова, межаульские скачки в 1950-е годы были перенесены в Ботлих, где были приурочены к празднику 1 мая [Агларов 2002: 2000]. Сейчас майские скачки в Ботлихе также проводятся, что не исключает и местные.

Гагатлинцы утверждают, что вначале скачки проходили только в их селе (имеется в виду ежегодное их проведение), больше ни у кого в районе такое не проводилось, но в последние годы скачки проводят Анди, Риквани, Ансалта, сам Ботлих (районного масштаба) и еще несколько других сел. Скачки проходят при поддержке местной администрации, которая выделяет деньги для призовых, организовывает расчистку круга, где соревнуются наездники.

Участвуют в состязаниях сельчане из окрестных сел и районов Дагестана. Однако основные соперники для андийцев и единственные участники из-за пределов Дагестана — жители Чечни, причем не только окрестных сел, но и отдаленных районов⁴. М. Агларов отмечает, что чеберлойцы и ичкерийцы участвовали в андийских скачках и гордились победой на них [Агларов 2002: 198]. Жители андийских сел воспринимают свои скачки как важный культурный маркер андийских селений, отмечая, что в остальном Дагестане это не столь распространено (в реальности это уже не вполне так: в последнее время администрации се-

⁴ По данным М. Агларова, первоначально праздник первой борозды был только общинным, и чужаки были здесь нежелательны [Агларов 2002: 195].

лений, большей частью равнинных, также стали устраивать состязания наездников).

Подчеркивая свою специфичность в любви (вернее страсти — это слово часто звучало в интервью) к скачкам, информанты подчеркивают в этом свое сходство с чеченскими соседями. При этом андийцы признают, что чеченцы в целом более искусные наездники и их лошади более подготовленные, из-за чего нередко призовые места остаются за ними.

Интересно, что И. Поповым в 1870 г. описан случай, произошедший еще до эпохи Шамиля, когда при помощи скачек был решен спор между двумя селами, андийским селением Зило и чеченским Харачой, за пограничные пастбищные земли. Некий харачоевец Бики, имевший много скота, нуждался в пастбищах, которые принадлежали зилоевцам (те получили земли в аренду от аварских ханов). Конфликты (очевидно, потрава скотом зилоевских земель и угон скота), убийства пастухов вынудили Бики сначала построить башню, а затем приступить к переговорам.

Он решил пойти на переговоры с андийцами по поводу определения границы (с обязательством уплаты ясака ханам при посредстве зилоевцев) и тем совершенно покончить всякое между ними недоразумение. Предложение было принято. Но как привести его в исполнение без обиды для Бики и зилоевцев? Этот вопрос долго оставался нерешенным. Наконец Бики, слышавший грамотным (по-арабски) и умным человеком, первый подал мысль. Надо решить его скачкою: два верховых (один харачоевец, а другой зилоевец) должны скакать на Андийские горы, каждый от границы своего аула. И там, где они встретятся, провести между пастбищ, андийских — к аулу Зило, харачоевских — к башне Бики.

Верховые условились во времени и пустили лошадей насколько хватало сил; встреча их произошла на горе, около озера Чархи ам, служащего и теперь летним водоемом у табунов» [Попов 1870: 5]. Однако скачки решили проблему не окончательно. Во время Шамиля спор разгорелся вновь, договор о разграничении пастбищ, записанный на камне и вделанный в стену дома Бики,

зиловцы, претендовавшие на эти земли после убийства ханов, вытащили и разбили. Оскорбленные чеченцы убили одного из андийцев, что положило начало кровной мести между селениями [Попов 1870: 7; Бобровников 2002].

Современные скачки, насколько мне известно, таким образом земельных споров не решают. Однако стоит вспомнить описанный выше эпизод о разрешении жителями Риквани пользоваться их источником, данным гагатлинцам, когда в качестве благодарности за эту щедрость гагатлинский депутат устроил для соседней внеочередные скачки.

В контексте взаимодействия соседней, андийцев и чеченцев, через проведение конных состязаний интересно рассмотреть ситуацию, сложившуюся вокруг проведения скачек в Гагатли в 2014 г. Здесь готовились к традиционному проведению скачек 8 марта (в том году это выпадало на субботу). За неделю до этого сельчане узнали, что в Чечне в этот день тоже решили проводить скачки — в районном центре Ведено, причем в честь матери Рамзана Кадырова. Был обещан большой призовой фонд, в пять раз больше, чем в Гагатли. Гагатлинцы были возмущены: они проводили скачки 8 марта уже десятки лет и чеченцы об этом знали. Все понимали, что большинство сильных скакунов повезут в Ведено, где больше призовой фонд, и никого из чеченцев не будет, а следовательно, скачки в Гагатли проигрывают в зрелищности. Тем не менее, решили скачки не переносить, подчеркивая, что это заденет их гордость и что правда на их стороне. В итоге все участники из Гагатли остались в селе. Некоторые сельчане все же поехали в Ведено, надеясь увидеть увлекательное зрелище. Имам гагатлинской мечети, молодой человек, хотел посмотреть на них, но ему пришлось отпрашиваться после пятничной молитвы у членов джамаата в мечети. Его отпустили, но многие осуждали его за этот поступок. Как же все ликовали и усмехались, когда из-за плохой погоды скачки в Ведено были отменены, а в Гагатли, пусть и с меньшим числом участников, они прошли удачно.



Вид на селение Гагатли. Фото. Е. Капустиной

Заключение

Граница между андийскими и чеченскими селениями никогда не была подобна государственной — ни охраны, ни четких очертаний. В этом случае различные варианты взаимоотношений в этом пограничном районе повторяют взаимоотношения между другими селениями в горном Дагестане. Подобные споры о земле, нередко заканчивающиеся кровопролитием, происходят и в соседних районах. При этом и там жители сел — участников конфликта могут отличаться и по этническому признаку, и по языку. Спорные территориальные конфликты между селами пережили и завоевание Дагестана Российской империей, и советизацию, и постсоветские изменения.

Однако специфика земельных конфликтов в том, что после вхождения территорий в состав России они стали принадлежать разным административным единицам. Андийцы долгое время ощущали свою пограничность из-за неотрегулированной системы пользования землей. На сложность взаимоотношений и восприятия друг друга влияют языковые и религиозные особенности, специфика брачных стратегий пограничных сел, культурные контакты.

Андийцы разделяют дагестанскую региональную идентичность, ощущают себя частью аварского мира и настаивают на андийской локальной идентичности, в определенных ситуациях солидаризируются с остальными дагестанскими селами. При этом в некоторых ситуациях жители пограничных андийских селений ощущают большее единство с чеченскими соседями, совместно разделяя религиозный опыт — зиярат к Умар-хаджи Андийскому в Анди или к Кунта-хаджи Кишиеву в Чечне, а также участвуя в совместных культурных мероприятиях.

Для понимания пограничной ситуации важно учитывать специфику социальной структуры андийских сел. Роль джамаата и сейчас велика здесь, сельское сообщество ощущает свое единство: и коллективные права, например на землю, и коллективную ответственность за действия своих членов. При этом от своих соседей ожидают такой же коллективной ответственности. Интересна также роль медиаторов — авторитетных сельчан, кунаков, духовных лидеров — при решении конфликтов.

При жизни на границе, образованной горным хребтом, культурными и языковыми различиями и административным делением, андийцам неоднократно приходилось переформулировать свою принадлежность к той или иной стороне. В подобной противоречивости их статуса нет ничего удивительного, это еще раз показывает сложность устройства локальных сообществ и их идентификации. А горы... Горы лишь добавляют этому рельефность.

Источники

ПМА 2011, ПМА 2013, ПМА 2014 — полевые материалы автора, собранные в ходе экспедиционной работы в Ботлихском и Хасавюртовском районах Республики Дагестан, а также в г. Махачкала. Автор выражает признательность Д.В. Соколову, коллеге и другу, совместно с которым полевой материал собирался в с. Гагатли и Анди в 2011 и 2013 гг., а также Ю.Ю. Карпову за предоставленную копию с документа, связанного с моей темой, из фондов ГАРФ.

Центральный государственный архив Республики Дагестан

Ф. р-52. Оп. 1. Д. 8 а Андийский окружной Военно-революционный комитет Дагестанской области, сел. Ботлих. Циркуляр наркомата внутренних дел о правах и обязанностях иностранцев, приговоры и переписка НКВД с председателем Окружного ревкома о похищении скота, о тюремном заключении контрреволюционеров. 1921.

Ф. 147. Оп. 3. Д. 81 Управление Хасавюртовского округа Дагестанской области, г. Хасавюрт. Материалы по разбору споров между Андийским округом Дагестанской области и Веденским округом Терской области из-за границы горных пастбищ. 1881–1900.

Ф. 147. Оп. 3. Д. 83. Управление Хасавюртовского округа Дагестанской области, г. Хасавюрт. Материалы по установлению смежной границы между Андийским округом Дагестанской области и Веденским округом (Грознеским) Терской области. 1881–1900.

Ф. р-563. Оп. 1. Д. 5. Постановления ВЦИК. Циркуляр Госплана РСФСР, выписки из протоколов заседаний ЦИК ДАССР VII созыва и Партийной комиссии об установлении границ между Дагестанской и Калмыцкой, Чеченской и Азербайджанской республиками. 28.06.1929 — 31.12.1930.

Ф. р-563. Оп. 1. Д. 29. Административная комиссия при ЦИКе ДАССР, г. Махачкала. Выписки из протоколов заседаний ЦИК ДАССР, докладная записка, переписка и другие материалы о спорных границах между ДагАССР и Чеченской областью. 1926–1928.

Государственный архив Российской Федерации

Ф. р-1235. Оп. 120. Д. 161 Об урегулировании пограничных споров между Даг. АССР и Чеченской АО. 1925–1928.

Библиография

Агларов М. А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII — начале XIX в. М., 1988.

Агларов М.А. Андийцы. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2002.

В ЧР открыт спортивно-туристический комплекс «Кезеной-Ам» <http://sdelanounas.ru/blogs/54060>. Дата обращения — 30.11.2014.

Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие; очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М., 2002.

Движение горцев северо-восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX в.: Сборник документов. Махачкала, 1959.

Измайлов В. Как андийцы спасли Россию от позора // Новая газета. 2002. № 56, 5 авг.

Карпов Ю.Ю. Горное дагестанское селение: от традиционного джамаата к нынешнему социальному облику // Северный Кавказ: традиционное сельское сообщество — социальные роли, общественное мнение, властные отношения. СПб., 2007. С. 5–74.

Мурадбегов У. Андийские зори (записки краеведа). Махачкала, 1996.

Муртузалиев А. Парикъатальул льябго цива (на аварском, русском, андийском языках). Махачкала, 2010.

Перечень имен народов, выделявшихся при разработке материалов Всесоюзных / Всероссийских переписей 1926–2002 гг., и их численность // Demoskop weekly http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_sep.php?reg=6. Дата обращения — 30.11.2014.

Попов И.М. Ичкерия. Историко-топографический очерк // Сборник сведений о кавказских горцах. 1870. Вып. 4.

Солоненко М.В. Борцы за власть: спортивные сообщества и их роль в политической жизни Дагестана // Общество как объект и субъект власти. Очерки политической антропологии Кавказа. СПб., 2012. С. 91–110.

Тахнаева П.И. Аргвани. Мир ушедших столетий: исторический портрет сельской общины Нагорного Дагестана. М., 2012.

Шиллинг Е.М. Дагестанская экспедиция 1946 года // Краткие сообщения Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. 1948. Вып. 4.

Ярлыкапов А. Ислам и конфликт на Кавказе // Большой Кавказ двадцать лет спустя. Ресурсы и стратегии политики идентичности. М., 2014. С. 183–215.